

Ж И З Н Ъ
И
П Р И К Л Ю Ч Е Н І Я
Р О Б И Н З О Н А К Р У З Е .

Имѣ самимѣ описанныя.

Сѣ Англійскаго перевелѣ

Я вѣ Л нѣ,

Сѣ пашью картинками.

Санктпетербургѣ.
Вѣ Императорской Типографіи
1811 года.

**Съ дозволенія Санктпе-
тербургскаго Цензурнаго
Комитета. Маія 13 числа,
1811 года.**

*Цензоръ Коллеж. Совѣт.
и Кавалеръ Ив. Тимков-
скій.*

Ж И З Н Ь

И

П Р И К Л Ю Ч Е Н І Я

РОБИНЗОНА КРУЗЕ.

Выслушай, любезный читатель, приключенія моей жизни, копорыя я тебѣ повѣствовашь намѣренъ. Надѣюсь, что многоразличныя горести и несчастія мною претерпенныя, брашяшъ на себя швое вниманіе.

Я родился въ 1632 году въ го одѣ Іоркѣ. Отецъ мой, по имени Крузе, нажившій какъ купецъ довольно богатое имѣніе, избралъ сей городъ для препровожденія въ немъ остатка жизни своей. — Но ахъ! колѣкимъ превратностямъ подвержена бываетъ жизнь человѣческая! — Въ то самое время, когда мы воображаемъ себя на верьху блаженства; вдругъ какой-либо нечаянной случай свергаетъ насъ съ онаго въ величайшую бездну. Отецъ мой, преодолевъ съ помощію Божіею всѣ трудности, съ каковыми сопряжена бы-

ваешь торговля, полагалъ во мнѣ единственное свое благополучіе, а особливо видя ежедневно развивающіяся мои способности. Но это было не надолго. Мною овладѣло сильное желаніе спранствовать по морю. Узнавши мое намѣреніе, онъ впалъ въ глубокое уныніе. Однимъ упрямъ призывалъ онъ меня къ себѣ въ комнату и спрашивалъ о причинѣ глупаго моего желанія.

„Что побуждаетъ тебя, сынъ мой, говорилъ онъ, къ безразсудному желанію оставить свое отечество и родительскую домъ твою, гдѣ прове-

„дишь ты жизнь свою въ до-
вольствіи и щастіи? Повѣрь
мой сынъ, куда бы ты ни
заѣхалъ, водою ли, или су-
химъ путемъ, нигдѣ не най-
дешь ты такой земли столь
щедро надѣленной всѣми удо-
бностями жизни; нигдѣ не-
найдешь ты народа, кото-
рому бы предоставлено было
столько свободы и выгодъ,
ни же климата столь соот-
вѣствующаго своему сло-
женію, какъ въ своемъ опе-
чествѣ, нынѣ безразсудно по-
бою оставляемомъ. Ежели,
продолжалъ онъ, мои роди-
тельскія увѣщанія могутъ

„пронуть твое сердце, по
„прошу тебя, испреби въ мы-
„сляхъ твоихъ безумное твое
„желаніе Ты сдѣлаешься по-
„смѣшищемъ всего сѣва, ко-
„порый сочтетъ тебя или не-
„вѣжею или развращеннымъ
„юношею. Подобное намѣре-
„ніе можетъ только быть
„извинительно въ другихъ слу-
„чаяхъ, естлибъ, на примѣрѣ,
„ты былъ сынъ какого нибудь
„бѣдняка, или попавшись въ
„дурныя общества испортилъ
„бы свою нравственнсть Въ
„такомъ случаѣ намѣреніе
„справоватъ по свѣту для
„исправленія нравственности

или разспроенныхъ обстоя-
тельствъ, можетъ быть из-
винительно. Но будучи со
всѣхъ сторонъ обезпеченъ,
будучи нѣжно любимъ роди-
телями твоими, и по своимъ
дарованіямъ болѣе уважаемъ,
нежели другой какой - либо
юноша, для чего съ такимъ
упорствомъ отказываешься
отъ всѣхъ оныхъ благъ? По-
вѣрь мнѣ, сынъ мой, ежели
ты не слушаешься моего
родительскаго совѣта, и бу-
дешь настоять въ своемъ
намѣреніи, то испытуешь мно-
го горести и несчастія. Сіи
слова, по справедливости дол-

жны бы памятны бытъ для
каждаго добронравнаго юноши,
но на меня никакого не про-
извели дѣйствія. Я былъ не-
иреклоненъ въ предпріяііомъ
своемъ намѣреніи, и съ пер-
вымъ кораблемъ, изъ Гулла
отправлявшимся поплылъ бла-
гополучно въ Лондонъ. Мнѣ
тогда было 19 лѣтъ отъ роду.
Однажды находясь въ обще-
ствѣ съ нѣсколькими шкипе-
рами, и разговаривая съ ними,
объявилъ имъ свое желаніе
видѣть свѣтъ. Одинъ изъ нихъ
мнѣ отвѣчалъ, что ежели я
согласенъ сопутствовать ему
въ Гвинею, то возметъ меня

съ собою безъ всякой платы.
Я весьма охотно согласился
на его предложеніе, и семь
дней спустя, корабль нашъ
снявшись съ якоря пустился
въ море. По отплытіи нашемъ
изъ Дюновъ подулъ пресильной
вѣтръ, и мы подошли уже къ
Канарскимъ островамъ, какъ
вдругъ попалъ на насъ морской
разбойникъ, который прину-
дилъ корабль нашъ къ зачѣ
и отвезъ насъ, какъ плѣнныхъ,
въ Салейскую гавань. Жесто-
кости, которыя претерпѣ-
валъ я въ семъ рабствѣ, воз-
будили во мнѣ швердое намѣ-

реніе уйти при первомъ удобномъ случаѣ.

Но ахъ! цѣлые при года находился я въ самой жестокой неволѣ и сія несносная переменна моего состоянія ввергла меня въ несказанное уныніе. Между тѣмъ открылся къ спасенію моему чудесной случай. Однажды по утру господинъ нашъ, вошедши къ намъ въ кельи, сказалъ, что онъ для угощенія своихъ пріятелей желаетъ имѣть рыбы, и ежели кто изъ Европейскихъ невольниковъ искусенъ въ рыболовлѣ, то дозволяетъ ему отправиться въ море, взявъ съ

собою одного арапа съ мальчи-
комъ. Я, желая воспользо-
ваться симъ предложениемъ,
вызвался пошчасъ наловишь
ему рыбы сколько, сколько онъ
желаетъ. Онъ пошчасъ на
это согласился, и между тѣмъ,
какъ арапъ съ означеннымъ
мальчикомъ приготавливали для
нашего отъѣзда лодку, я спѣ-
шилъ запасшися нужною пи-
щею а также взялъ съ собою
два ружья, мѣшокъ пороху,
дробь и пулю; ибо я почиталъ
сие самымъ удобнѣйшимъ для
побѣга случаемъ. Запасшися
такимъ образомъ, вышли мы
изъ гавани съ тѣмъ, чтобы

ловишь рыбу. Долго ловили мы рыбу безъ удачи, и пошому сказалъ я арапу: эшто мѣсто не удачливо поѣдемъ далѣе. Арапъ не представляя себѣ моего умысла, поднялъ парусъ, а я, сидя на рулю, правилъ отъ берегу далѣе. Пошомъ, остановившись, посадилъ на руль мальчика, и когда арапъ наклонилъ я на край лодки, чшобъ закинуть неводъ, я вдругъ схватя его подъ ноги, выбросилъ за бортъ. Пошомъ схватя одно изъ лежащихъ у меня ружей, и приложась на него, сказалъ ему: возвращайся къ берегу, ты умѣешь хорошо пла-

зашь; я хочу отсюда бѣжать
и искашь прежней своей воль-
ности. Знай же припомь,
что естли ты поупрямишься
и ухватишься за борть, то я
тебя застрѣлю; прощай!
Арапъ, вынырнувши изъ воды,
плыль дѣйствительно за суд-
номъ, и догнавши началъ уже
хвататься за борть онаго —
Однако видя мою рѣшитель-
ность, онъ поворопясь по-
плыль къ берегу и я думаю,
что онъ будучи искусенъ въ
плаваньи, щасливо добрался
до онаго. Такимъ образомъ
опогнавши его, оборотясь къ
мальчику, кошорый назывался

Ксури, началъ ему говорить:
„если ты хочешь мнѣ быть
„вѣренъ и послушенъ; то я
„сдѣлаю тебя щаспливымъ;
„но иначе принужденъ буду и
„тебя бросить въ воду ., Маль-
чикъ спалъ увѣрялъ меня въ
вѣданности своей ко мнѣ
столь проси сердечно что я
безъ всякаго опасенія ему по-
вѣрилъ. Поднялся весьма силь-
ный вѣтръ, и въ скоромъ вре-
мени скрылись отъ насъ вла-
дѣнія Императора Марокскаго.
На другой день, какъ мы, дер-
жась берегу плыли къ какой-
то намъ неизвѣстной споро-
нѣ, вдругъ послышался намъ

ужасный визгъ. Ксури весь задрожалъ отъ страху. да и я былъ его не бодрѣе, какъ услышали плывущаго къ судну нашему ужаснѣйшаго звѣря. Онъ былъ отъ насъ уже весьма близокъ. и для того выстрѣлилъ я по немъ изъ ружья, и принудилъ его ворошиться къ берегу.

Ксури совѣщивалъ мнѣ, поворошивъ судно, плыть за нимъ въ слѣдъ; но я не разсудилъ предаваться еще въ большую опасность, и для того приказалъ ему продолжать путь прямо, а между тѣмъ опять зарядилъ ружье свое, не имѣя

недостатка въ порохѣ. Теперь мы для пресной воды, въ которой крайне нуждались, принуждены были сойти на берегъ. Ксури хотѣлъ было итти одинъ, но я на это никакъ не согласился. Мы приближились къ берегу, шакъ какъ намъ возможно было подойти, и взявъ съ собою ружья и двѣ кружки для налишя воды, вышли на берегъ. Мы искали почти цѣлую милю; наконецъ мальчикъ мой, увидя вдали низкое мѣсто, нашелъ тамъ превосходный ручей. Наполнивши водою наши кружки, мы лишь только хотѣли ос-

ставитъ сіе неизвѣстное мѣ-
сто. какъ вдругъ мальчикъ
мой вскричалъ: „посмотри,
„сударь, посмотри!“, Я по ука-
занію его взглянувъ на то мѣ-
сто, увидѣлъ несказанной ве-
личины льва, въ шѣни подъ
горою спящаго. Немедленно
взялъ я самое большое изъ
имѣющихся при мнѣ двухъ ру-
жей, и приложась онымъ въ
самую голву звѣря выспрѣ-
лилъ. Но это едва было не
стоило мнѣ жизни, и ты лю-
безной чипапель, лишился бы
тогда удовольствія слышать
мои похождения. Ибо мнѣ
шолько удалось перебить ему

лапу пополамъ; почему онъ вскочивъ успремился на насъ съ величайшею яростию, и я едва только успѣлъ еще выстрѣлить, и къ щасію попалъ ему въ голову, ошъ чего онъ пропянувшись испустилъ съ ужаснѣйшимъ ревомъ послѣдній духъ свой. Я не оставилъ принести въ то же время искреннѣйшее благодареніе мое Всевышнему за столь чудесное наше избавленіе, и потомъ съ поспѣшностію возвратились къ нашему судну. Тутъ Ксури, указывая на львиную кожу и на меня, совѣщивалъ мнѣ содрать съ него

шкуру; что исполнили мы въ короткое время, и попомъ возвратились благополучно въ наше судно. Кожа сія высохши, оказалась весьма теплою и для одежды удобною. И дѣйствительно; даже теперь, когда я рассказываю тебѣ свои похождения, надевъ на мнѣ камзолъ сдѣланной изъ львиной кожи, которой служилъ мнѣ уже нѣсколько лѣтъ.

Продолжая такимъ образомъ путь свой дней съ десять, увидѣли мы жителей населенной островъ, которые всѣ были нагие и черные. Мнѣ хотѣлось было пристать къ

берегу; но Ксури удержалъ меня отъ того, совѣтуя мнѣ держашь далѣе отъ берега; ибо они имѣли въ рукахъ длинныя палки, копорые онѣ называлъ копьями, и сказывалъ, что они тѣмъ бросають искусно и далеко. Вскорѣ потомъ поднялась сильная буря. Весь горизонтъ вдругъ покрылся черными тучами подобно самой шемной ночи. Море шаюъ взволновалось, что никакой не было надежды къ тому, чтообъ судно наше могло выдержашь сильныя удары волнъ, копорыя по горою поднимались, то оная въ бездну по-

гружались. Наконецъ несчастный Ксури мой сдѣлался имъ жертвою. Нашла на насъ подобная великой горѣ волна, которая, захвативъ его изнуреннаго отъ слабости, погрузила въ бездну.

Чишатель конечно избавитъ меня отъ описанія чувствуемаго въ шаковыхъ случаяхъ душевнаго смущенія. Оно только тому извѣстно, который самъ находился въ подобныхъ несчастіяхъ.

Хотя я и крайне жалѣлъ о потерѣ вѣрнаго моего Ксури; однакожь будучи столько самъ озабоченъ, я едва могъ

объ немъ подумашъ; ибо чрезъ
нѣсколько минутъ и я самъ
вмѣстѣ съ судномъ былъ по-
глощенъ волною. Не возмо-
жно выразишь словами пог-
дашнихъ моихъ чувствованій,
а особливо, когда я на дно по-
гружался. Правда что я умѣлъ
плавать; но за великимъ из-
нуреніемъ моихъ силъ къ тому
не доставало. Меня бросило
на берегъ, гдѣ вода разшед-
шись оставила меня на песку
полумертвѣаго. Опамятовав-
шись и собравши послѣднія си-
лы, всцѣлъ я на ноги съ тѣмъ,
чтобъ сколько возможно пре-
братъся далѣе; но нашедшая

вдругъ вторично волна совсемъ меня покрывши отнесла далѣе въ море, и конечно бы я задохнулся, еслибъ не умѣлъ плавать. Между тѣмъ нашла еще другая волна; но она была меньше первыхъ, за тѣмъ, что было близко берегу. Потомъ поплылъ я къ нему, а хотя и нашла-опяшь на меня вода; однакожь унести съ собою уже не могла, и я вышелъ на твердую землю, сбѣвъ на одну вышину, презирая стремящіяся на меня волны.

Наконецъ видя себя совсемъ въ безопасности, взглянувъ на небо благодарилъ я Бога

за спасеніе моеѣ жизни ; къ чему за нѣскольکو предѣтѣмѣ минуѣ не было нималѣйшей надежды.

Послѣ того началѣ осматриваться, гдѣ я нахожусь, и какѣ мнѣ жить будетѣ; и сколь велика была прежде радость моя, видя себя еще живаго, столь чрезвычайная слѣдовала потомѣ и горестѣ, когда представлялѣ себѣ бѣдное мое положеніе. Я былѣ мокрѣ, голоденѣ и слабѣ безѣ всякой надежды ко укрѣпленію истощенныхѣ силѣ своихѣ. Вездѣ предспояла въ глазахѣ моихѣ ужасная смертѣ. По насшу-

пленіи же ночи, опасаясь хищныхъ по ночамъ бродящихъ звѣрей, искалъ себѣ безопаснаго убѣжища. Не найдѣвъ онаго, я влѣзъ на густое подобное ели дерево, и укрѣпясь въ сучьяхъ онаго, дабы во время сна не упасъ, отъ великой усталости заснулъ такъ крѣпко, что на другой день проснулся тогда, какъ солнце уже взошло на горизонтѣ весьма высоко. Никогда и никто, вѣроятно, въ такомъ несчастіи, не препроводилъ ночь такъ спокойно, какъ я.

Недалеко отъ того мѣста гдѣ я приспалъ, была великая

и крупная гора. Вошедъ на оную чрезъ великую силу увидѣлъ я, что нахожусь на островѣ, гдѣ кромѣ козъ, зайцовъ и великаго множества птицъ разнаго рода, другихъ зварей было не видно. Тутъ объяли меня тысячи самыхъ мрачныхъ мыслей. Я спалъ воображаясь себѣ, что Провидѣніе спасло жизнь мою для того только, чтобы приготовить меня къ ужаснѣйшей еще и мучительнѣйшей смерти. Однакожь въ то же время спалъ я раскаяваясь въ несправедливости таковыхъ моихъ сужденій, и съ полною довѣрен-

ностію кѣ мудрому промыслу
Божіему восклицалъ: „Дерзкой
„ты, котораго Богъ избавилъ
„споль чудесно отъ неминуе-
„мой смерти; еколь неблагодар-
„но поступаешь предаваясь ро-
„пошу. Этошь островъ оби-
„луешь козами, зайцами и пши-
„цами, могущими доставляшь
„тебѣ пищу. Приучись только
„ихъ ловить, и неужели я въ
„ешомъ не успѣю. Я умоляю
„бога только о томъ, чшобъ
„страна сія не была обитае-
„ма хищными звѣрями, копо-
„рымъ бы могъ достаться въ
„добычу,,. Но благодаря Бога,
я не имѣлъ причины сего опа-

саться; ибо на всемъ семъ островѣ не было ни одной человеческой души кромѣ меня; да и хищныхъ звѣрей бояться было не чего. На семъ островѣ прожилъ я около пятнадцати днями, питаясь во все сіе время частію молокомъ, (ибо я, поймавъ нѣсколько молодыхъ козъ, приучилъ ихъ къ себѣ) частію же птицами, которыхъ ловилъ я во множествѣ выславляемыми на ночь сѣтями.

Однажды въ полдень пошелъ я по своему обыкновенію въ лѣсъ посмотреть, не попалось ли чего-нибудь въ сѣти

мою; но какимъ былъ я пораженъ ужасомъ, когда увидѣлъ на пескѣ человѣческую ступень. Я вострепешалъ отъ испраку воскликнувъ: „милосердый Боже! Что я вижу?“, ибо я былъ увѣренъ, что сія ступень была чужая, потому что она была больше моей и совсѣмъ свѣжа, и что припомъ болѣе мѣсяца не бывалъ я въ сихъ мѣстахъ. Спретглавъ побѣжалъ я въ свое жилище, которое будучи ображено вокругъ деревьями, уподоблялось пещерѣ. Здѣсь бросился почти безъ памяти на кучу высушенныхъ листьевъ,

служившихъ мнѣ нѣсколько
лѣтъ вмѣсто постели, и про-
велъ такимъ образомъ безъ
сна и пищи три сутки.
Мысль, что островъ сей оби-
щаемъ кромѣ меня еще дру-
гими человѣческими душами,
а можешь быть людоѣдами,
которыя бы конечно и меня
сѣсть за грѣхъ не почипали,
до крайности меня превози-
ла. Наконецъ понудилъ меня
голодъ ищи за пищею, и безъ
сумнѣнія никогда ни кто не
оставлялъ своего убѣжища съ
такимъ великимъ страхомъ,
съ какимъ я оставлялъ оное.
На каждомъ почти шагу оста-

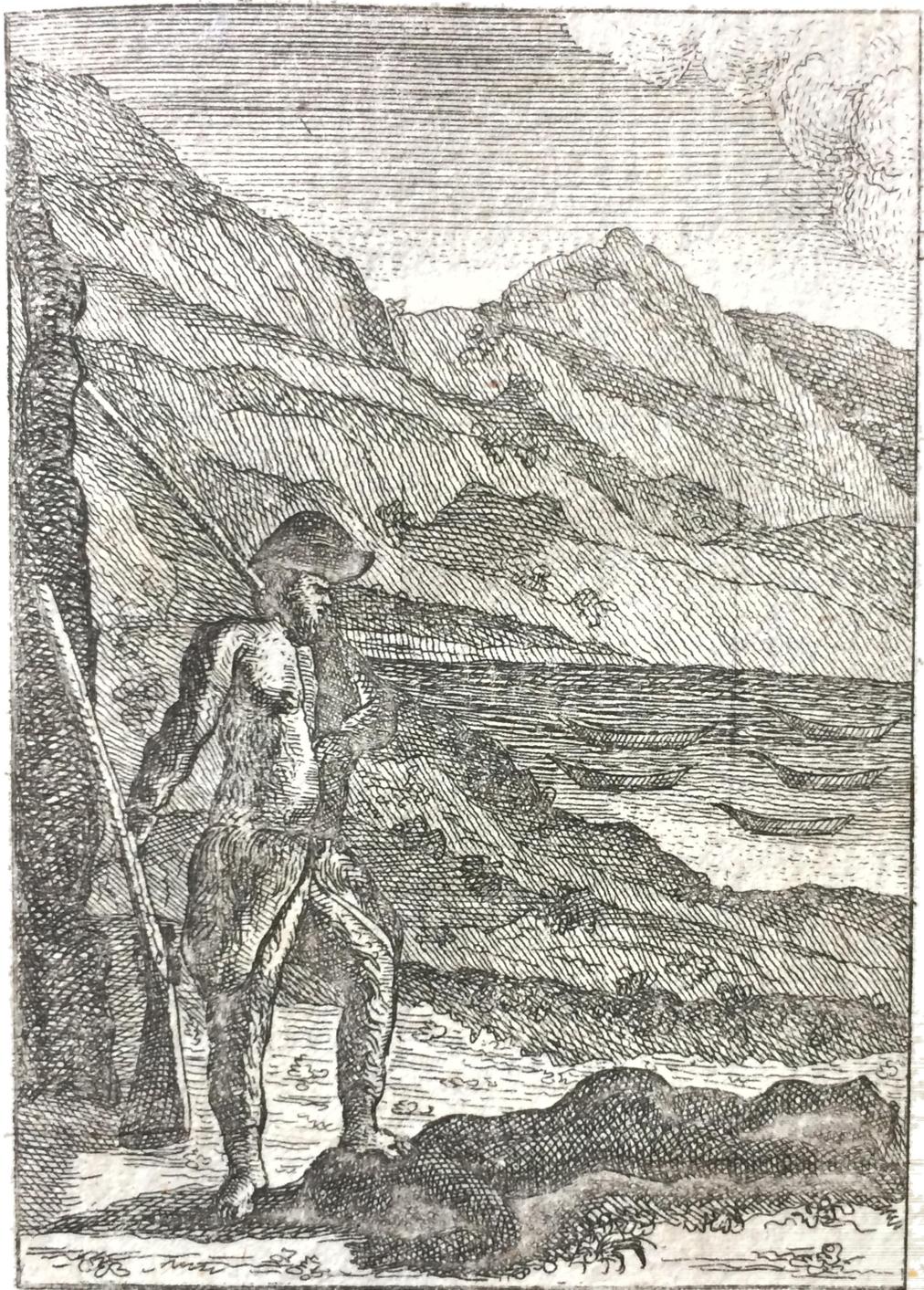
навливался и оглядывался я; каждый листочекъ на деревѣ въшумѣ колеблемый, приводилъ меня въ шрепешь. Наконецъ страхъ мой мало по малу совсѣмъ миновался; я спалъ думашь, что видѣнная мною человѣческая ступень могла бытъ и моею собственною, а слѣдовашельно и съ сей стороны успокоился. Однакожь не долгое время спустя разбувѣрился я въ своемъ мнѣнїи. Въ одинъ день, пошедъ опять искать себѣ пищи, увидѣлъ я въ полумили отъ себя пяшь лодокъ наполненныхъ Индейцами, которые съ вели-

чайшимъ усиліемъ спѣшили
приспастъ къ берегу. Я под-
крался какъ можно ближе,
желая узнать ихъ умыслъ.
Подѣбхавши вышли они всѣ
на берегъ, а въ лодкѣ оста-
лись только двое изъ нихъ,
кои будучи вмѣстѣ связаны,
поднимали пронзительный
воплъ. Попомъ развели они
большой огонь, пошацили од-
ного изъ сихъ послѣднихъ на
берегъ, перерѣзали ему гор-
ло пожарили его мясо на ог-
нѣ и ѣли оное. — Что мо-
жетъ быть ужаснѣе сего
гнуснаго зрѣлища? Однакожь
благоразуміе удерживало меня

въ покоѣ, не смотря на великій страхъ мой. Когда они сбѣли сего несчастнаго до самыхъ костей его, то готовились приняться и за другаго. Но лишь только они развязали его, и хотѣли поразить смертельнымъ ударомъ; вдругъ сей несчастный съ удивительнымъ проворствомъ вырвался изъ рукъ ихъ и бросился бѣжать въ лѣсъ. Онъ направилъ путь свой прямо къ тому мѣсту, гдѣ было мое убѣжище, почему я весьма беспокоился о собственной своей безопасности.

Трое изъ Индѣйцовъ побѣжали за нимъ въ слѣдъ; а я видя, что въ семъ случаѣ нужно было и мнѣ взять сильнѣйшую предосторожность, срубилъ поскорѣе себѣ съ дерева большую дубину, и приготовился принять ихъ. Вдругъ подбѣжалъ ко мнѣ весь запылавшійся топъ самый Индѣецъ, который за нѣсколько предѣлѣвъ минулъ находился въ рукахъ сихъ варваровъ. Онъ оцѣпенѣлъ увидѣвъ меня здѣсь, и воображая себѣ, что избавился онъ одной опасности для того только, чтобъ подвергнуться другой, хотѣлъ-

было отъ бѣжать; однакожь мною былъ въ томъ упрежденъ. Тогда повергся онъ навзничь и схватя одну изъ ногъ моихъ, поставилъ оную себѣ на голову. Я сіе почелъ изъявленіемъ его покорности и желанія оказати мнѣ свои услуги; въ чемъ я ни мало не обманулся нашедъ въ немъ усерднѣйшаго и вѣрнаго слугу, какого только желать себѣ можно. Чпожъ касается до его гонимель, то они дѣшась надежды его поймавъ, возвратились къ берегу и убѣжали.

Съ самаго времени какъ оставилъ свое отечество и жилъ на семъ оспровѣ, дѣлалъ я каждый день вырѣзы на одномъ деревѣ; что служило мнѣ вмѣсто календаря. Симъ-то образомъ зналъ я и въ своей пустынѣ когда было воскресенье, которое всегда мною проведено было въ молитвѣ. По моему календарю узналъ я, что Индѣецъ мой избавленъ мною былъ въ пятницу, и попому не припомня но скорости другаго прозвища, назвалъ его *Пятницею*. Соповарищъ мой въ скоромъ времени научился меня разу-

мѣшь; и поелику онѣ былѣ весьма прудолубивый малой, то я теперь началѣ жить гораздо спокойнѣе нежели прежде. Онѣ каждый день ловилѣ для меня сполько дичи, что оной достапочно было для насѣ обоихѣ. Въ такомѣ положеніи спокойно прожили мы ѣблыя пять лѣтъ, не бывѣ болѣе посѣщаемы прежними варварами.

Однажды усмопрѣли мы пять лодокѣ съ Индѣйцами, которые ялыли прямо къ нашему берегу. По увѣренію Пяшницы, что онѣ посѣщаютѣ насѣ въ шомѣ же самомѣ

намбреніи, какъ и прѣжніе, приказалъ я ему принести изъ нашего жилища двѣ большія дубины, сказавъ ему: „послушай-ко Пятница, теперь нѣчего робѣть! спань подлѣ меня и помоги мнѣ предвупредишь гнусныя замыслы сихъ варваровъ. — „Охотно, охотно, любезный баринъ, былъ его отвѣтъ. „Зная по опытамъ его честность, я твердо могъ на него положиться, и посему рѣшился употребить всѣ силы свои къ отвращенію того ужаснаго зрѣлища, которое они намъ гошовали. Между

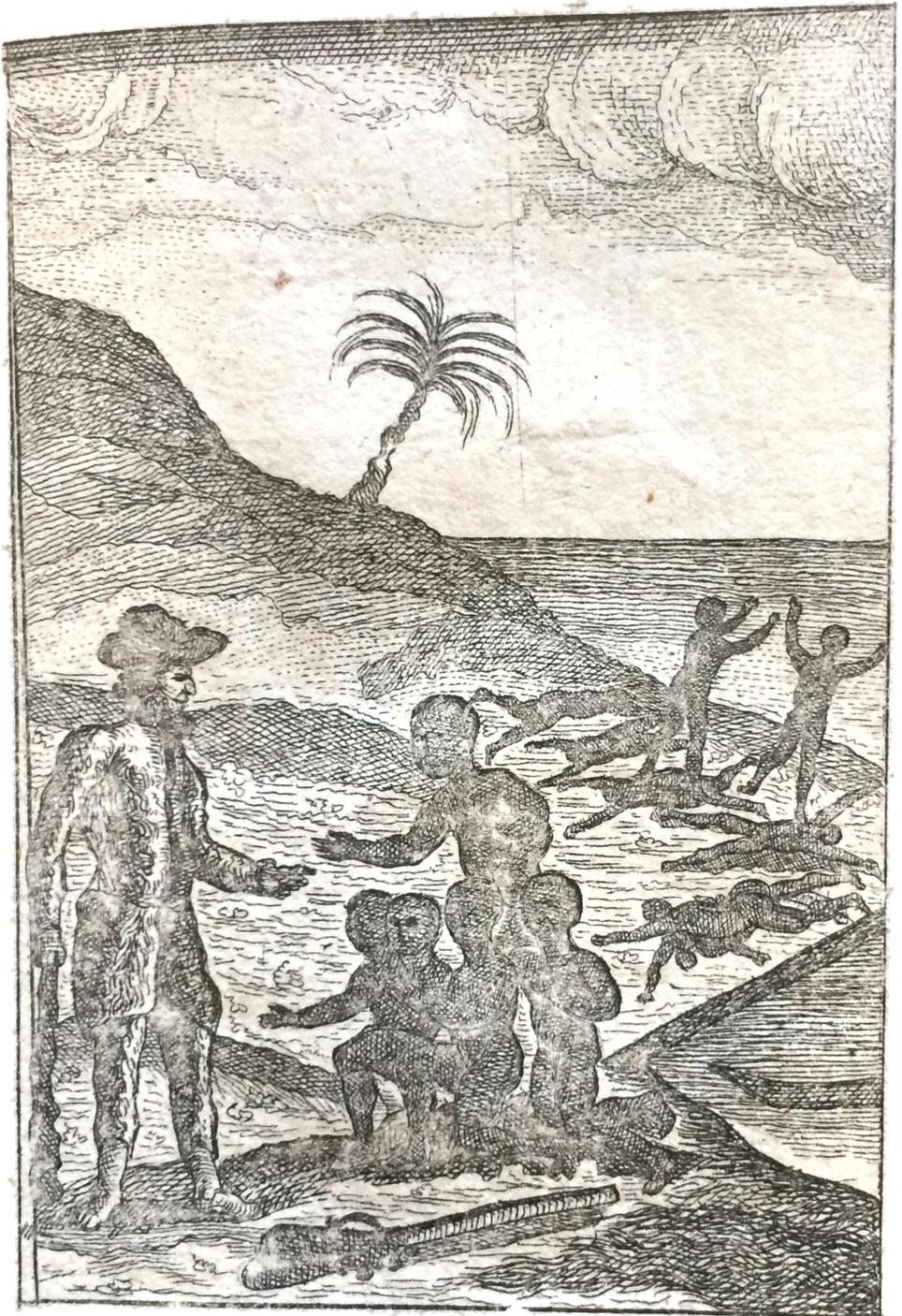
шбмб возвратился слуга мой
запасшись двумя превеликими
дубинами, а Индбйцы высту-
пили на берегб, и такб не о-
ставалось намб ни минушы
медлишь. Сб таковымб во-
оруженіемб поббжали мы имб
на встрбчу и приблизились
кб нимб шаговб на 50, спа-
ли за весьма толстый
дубб, который насб совер-
шенно отб нихб скрывалб.
Восьмеро Индбйцевб влекли
за собою пятерыхб тбсно
связанныхб вмбстб плбнни-
ковб, которыхб побросавб
вб яму, начали уже дблать
гнусныя свои надб сими не-

щастными приготовленія. Ви-
дя пылающій уже пламень, я
вздвогнулъ и сказалъ *Пятни-*
цѣ: „теперь ты долженъ со-
„браться совсѣми твоими си-
„лами, и мужественно помо-
„гаешь мнѣ. Теперь настала
„рѣшительная для насъ мину-
„та; если не одержимъ по-
„бѣды надъ сими жестокими
„людобдами, то мучительнѣй-
„шая смерть будетъ нашимъ
„удѣломъ.,, Теперь съ необы-
„чайнымъ усиленіемъ и провор-
„ствомъ, успремались мы на
нихъ, подобно развѣреннымъ
львамъ, и въ самое краткое
время шестеро изъ сихъ без-

дѣльниковъ отъ нашихъ ударовъ пали мертвы на пескѣ, а двое остальныхъ не видя ко спасенію своему никакого средства кромѣ моря, опрометью бросились въ оное и вѣроятно потонули. Послѣ таковой побѣды возвратился я къ помянутымъ пятерымъ бѣднякамъ, которые съ трепетомъ ожидали конца ихъ бѣдственной участи. Однакожь я скоро вывелъ ихъ изъ сего заблужденія, увѣривъ ихъ въ моемъ дружескииномъ къ нимъ расположеніи. Взглянувши на бѣднаго *Пятницу*, я почелъ-было его совсѣмъ ли-

шеннымъ ума своего, пока не узналъ причины его чрезвычайной радости, его не изъяснимаго восхищенія. И что было сему причиною? — Между сими плѣнниками, полъщасливо нами избавленными, находился и отецъ Пятницынъ. Прочіе четверо были Испанцы, захваченные за нѣсколько дней предъ тѣмъ симъ дикимъ народомъ, который имѣлъ гнусное обыкновеніе поядать всѣхъ тѣхъ, которые на войнѣ попадались имъ въ руки. Теперь было насъ числомъ семеро, и къ неожиданному нашему щастію

одна Англическій корабль на
возвратномъ его пути зане-
сенъ былъ проливнымъ вѣп-
ромъ на нашъ островъ. Мы
развели ночью большой вѣ-
лѣсу огонь для того, чтобъ
увѣрить находящихся на семъ
кораблѣ людей въ томъ что
нашъ островъ былъ обита-
емъ. На другое утро приѣхало
къ намъ на берегъ двадцать
вооруженныхъ матросовъ, ко-
ихъ мы, угостивъ какъ мо-
жно лучше, скоро увѣрили въ
дружественномъ нашемъ раз-
положеніи. Они за такую
ласковый нашъ приемъ благода-
годарили насъ равнымъ вели-

кодушіемъ , принявъ всѣхъ насъ на свой корабль и доставивъ благополучно до Ливерпуля, откуда отправился въ Йоркъ. Но, ахъ! горестъ и уныніе овладѣли мною, когда спрашивая о своихъ родителяхъ я услышалъ, что безразсудный, жестокій отъѣздъ мой, былъ причиною безвременной ихъ смерти, приключившейся вскорѣ по отъѣздѣ моемъ изъ Гуала.

Не могу довольно выразить тебѣ, любезный читатель мой, словами, въ коликую былъ я погруженъ печаль, почтя себя единымъ винов-

никомъ ихъ смерти. И хотя
доспалося мнѣ послѣ ихъ до-
вольно богатое имѣніе, ко-
шорымъ мовъ бы провести
дни свои въ довольствіи и
щаспіи; однакожь угрызения
совѣсти моей не допуская ме-
ня къ сему, отправляли жизнь
мою. Положеніе мое есть са-
мое мучительнѣйшее; не вку-
шаю я ни малѣйшаго спокой-
ствія души, и даже теперь
почитаю себя за несчастнѣй-
шаго въ свѣтѣ человѣка. Ахъ!
сколько ни проливаю теперь
слезъ; сколько ни разкаыва-
юсь въ безразсудномъ своемъ
предпріятіи, заставившемъ

меня оставитъ родителей
своихъ и пренебречь нѣжныя
ихъ увѣщанія; ничѣмъ не
могу облегчить печали, сиѣ-
дающей сердце мое. Я дол-
женъ наконецъ признаюсь,
что съ сего несчастнаго вре-
мени начались горести и бѣд-
ствія, наперевывѣ постигав-
шія меня въ продолженіи жи-
зни моей.

К о н е ц ъ.